

Галина Ширяева
Дневник прабабушки

Галина Ширяева

Дневник прабабушки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53837173

SelfPub; 2020

Аннотация

Старинная тетрадь, найденная на чердаке, оказалась дневником дамы, рожденной в Петербурге в конце 19 века и волей судьбы попавшей в Ташкент. Ее воспоминания перекликаются с личными воспоминаниями автора и историей ее семьи. Прочитав дневник, автор понимает, что там есть зашифрованное послание к потомкам и невероятная история, связанная с сокровищами Бухарского эмира Саида Алим -хана.

Летний воскресный день не спеша приближался к обеду. Из-за жары есть не хотелось, поэтому я ограничилась легким салатом из свежих помидоров с зеленью. Не хватало райхона, который я очень люблю, поэтому решила пойти к соседке, Малике, огород которой славился разнообразием трав. Наши участки разделяла лишь деревянная калитка, и мы беспрепятственно ходили друг к другу в гости. Я несколько раз позвала ее, но Малика не откликнулась, поэтому пришлось зайти в дом.

Вся соседская семья была в работе. Муж и сын таскали с чердака старые вещи, а Малика разбирала их и многие готовила на выброс.

– Добро пожаловать, Гала-опа, – вежливо поздоровалась женщина. – Извините, не могу сейчас угостить вас пиалой чая. Наконец-то собрались разгрести завалы.

Да! Чего там только не было! Сломанная мебель, коробки из-под обуви и бытовой техники, купленных еще в прошлом веке. Какие-то старые тетради, газеты. Вдруг мой взгляд случайно упал на старинную тетрадь в кожаной обложке.

– А это что за тетрадь? – спросила я.

Открыв ее, Малика сказала, что, возможно, это, дневник ее русской прабабушки, который давным – давно потерялся. Еще мама рассказывала ей о нем и сожалела, что не может найти эту памятную вещь.

– Возьмите его, пока мы тут не наведем порядок, чтобы он опять не потерялся, – попросила женщина.

Вечером, начав читать дневник, я окунулась в атмосферу прошлого. Его вела с отроческих лет до глубокой старости дама, рожденная в Петербурге в конце девятнадцатого века. Читать было нелегко, так как чернила выцвели, о значении некоторых слов нужно было догадываться. Мне понадобилось несколько дней, чтобы прочитать дневник. Многие описанные в дневнике события достойны внимания, хочу привести здесь собственный пересказ некоторых из них.

« Шел 1917 год. После долгих мытарств, наконец, я прибыла к месту назначения. Ташкент встретил меня ослепительным солнцем и нестерпимой жарой. Мой дорогой Петр Александрович уже спешил мне навстречу.

– Ну, как ты добралась, Аннушка? – спросил он ласково.

Два года я не видела своего Петю. И теперь, когда наконец добралась сюда из Петербурга, радость встречи охватила

меня, муж всегда был добр и ласков со мной. Здесь, под белым, нещадно светившим солнцем, мой родной город вдруг показался мне туманным призраком, полным тайн и существующим лишь в моем воображении. Почему-то я сразу поняла, что всей душой люблю этот экзотический город, этот необыкновенный край.

О, Азия!

Январь с фиалками и солнечными днями или февраль с цветущим миндалем. Март, то с неожиданными заморозками, то с теплыми ливнями и ветрами и чудный апрель, украшенный цветущими садами и ясными зорями по утрам. Май со спелыми черешнями, клубникой, с расцветающими розами. И горячий июнь с янтарными абрикосами, вишнями, персиками, скороспелыми дынями и виноградом, весь пронизанный солнцем и синим-синим небом; и жгучий, раскаленный до сорока пяти градусов в тени июль, с черными душными ночами, с сахарными дынями и арбузами, сладкими помидорами и ежевикой. Золотой, отяжелевший от плодов август. А хлопковое поле в сентябре, когда в каждой коробочке лежит жемчужина, а веселый октябрь с шумными свадьбами и курлыканьем журавлей в небе. Еще теплый ноябрь с редкими пасмурными днями и первыми осенними дождями. Тихие снежинки в декабре, неслышно опускающиеся на озябшие хризантемы!

Петр Александрович, будучи в звании полковника, после обучения в гатчинской школе авиации был откомандирован на службу в Туркестан. Наш дом в Ташкенте находился недалеко от Кауфманского сквера, на улице Пушкинской, одной из благоустроенных, респектабельных и спокойных улиц города. Пушкинская была населена преимущественно офицерами частей Туркестанского военного округа и чиновниками многочисленных учреждений от казенной палаты до телеграфного округа. Должна с гордостью отметить, что Пушкинская была одной из немногих улиц Ташкента по которой ходил электрический трамвай. В начале улицы находились банки и магазины, а ближе к концу частные дома. Дом мне понравился, хотя и был непривычной для меня постройки: одноэтажный, толстые кирпичные стены сохраняли прохладу, и после нестерпимой жары здесь была благодать. Особенно я полюбила небольшой внутренний дворик, засаженный цветами и деревьями. Там было так приятно сидеть в вечерней прохладе.

В соседнем доме жил врач, Симаков Анатолий Петрович с женой, милой и доброй Натальей Михайловной. Я перезнакомилась со многими соседями. Это были в основном офицеры и гражданские чиновники с женами.

Город делился на две части – европейскую и туземную.

Европейцы жили на улицах, прилегающих к Кауфманскому скверу: Соборной, Романовской, Пушкинской, Кауфманской. Туземная часть состояла сплошь из глинобитных мазанок, но в каждой махалле была мечеть, а также чайхана, где собирались на чаепитие местные мужчины. Я пробовала зеленый чай – это, действительно, удивительно вкусный напиток. Местное население для утоления жажды пьет айран – кисломолочный напиток с добавлением трав и фруктов.

По приезду, местные модницы стали посещать наш дом, чтобы рассмотреть мои столичные наряды. Уже через неделю многие дамы щеголяли по центру города в платьях, в точности похожих на мои. Рядом со сквером находились мужская и женская гимназии. Поэтому там часто бывало весело и шумно. Очень мило смотрелись молоденькие гимназистки, когда беззаботными стайками гуляли по скверу под столетними чинарами.

Неподалеку от Кауфманского сквера, на улице Соборной, находился кинотеатр Хива, аптекарский магазин Каплана, построенные по проекту известного архитектора Георгия Сваричевского. Это место служило своеобразным клубом для местного общества. Мы с Петром любили вечерком там прогуляться, чтобы узнать о местных новостях и просто пообщаться с людьми.

Как-то, одна из дам, супруга штабного офицера госпожа Мария Третьякова, упросила меня пойти с ней на местный базар – купить материал на платье. Мы взяли экипаж, что было большой редкостью для Ташкента. В основном местное население передвигалось пешком или на арбе с огромными колесами, запряженной осликом. Базар произвел на меня незабываемое впечатление, нигде я не видела такой пестроты и разнообразия товаров. В купеческих лавках глаза разбегались: здесь были – маргиланский шелк, русский ситец, разноцветный атлас. Накупив тканей, мы пошли дальше. Во фруктовых рядах было невиданное изобилие: горой лежали дыни, персики, яблоки, виноград. Немного утомившись от шума и суеты базара, мы решили ехать домой. Уже подходя к воротам, стали свидетелями неприятного инцидента. На базарную площадь, не разбирая дороги, ворвалась ватага всадников. Во главе небольшого отряда был человек одетый в красивый парчовый халат и белоснежную чалму. Видно, это был богатый человек. Народ бросился врассыпную, чтобы ненароком не попасть под копыта лошадей, но один бедолага не успел увернуться. Он упал на землю, скорчился и стал громко кричать. Видно это был бедняк, одетый в выдавшие виды бязевые штаны и такую же рубашку. Богач на секунду остановился, бросил прямо на землю какую-то монету и как ни в чем не бывало поскакал дальше. Я не осталась равнодушной к этому несчастью и попыталась уговорить людей,

чтобы беднягу отнесли в больницу. Но, меня никто не слушал.

По словам Анатолия Петровича Симакова, в городе было около двадцати врачей, примерно столько же фельдшеров и несколько медсестер. Это, конечно, очень мало. Местное население лечилось у табибов, местных лекарей, не особенно доверяя современной медицине. Но, самоотверженный труд русских врачей и медсестер постепенно менял ситуацию. Все больше людей стало обращаться за медицинской помощью и работы у врачей становилось больше.

Доктор Симаков работал в больнице, жена ему помогала. Но их в любое время могли вызвать на дом к больному. Однажды, когда я навещала заболевшую Наталью Михайловну, прибежал какой-то мальчишка, и начал уговаривать доктора быстрее пойти к больному. Тот взял чемоданчик с инструментами и попросил меня сопровождать его, так как он не имел право заходить на женскую половину дома – ичкари.

Узкая улочка тянулась вдоль высоких дувалов – заборов, сделанных из глины и соломы. По ней в пыли бегали местные полураздетые ребятишки. Когда мы пришли в квартал ремесленников, меня пригласили войти в дом. В комнате, на циновках, под теплым одеялом лежал ребенок лет трех-

четырёх. Его мама, совсем молоденькая девушка по имени Зухра, сидела рядом на полу и громко причитала. Даже мне, не имеющей медицинского образования, стало ясно, что ребенок болен бичом этих мест – малярией. Доктор дал мне порошки хинина и объяснил, что нужно делать. Я тогда уже немного могла изъясняться на местном языке и, как смогла, объяснила Зухре, как ухаживать за ребенком. Женщина немного повеселела когда поняла, что ребенок наверняка выздоровеет. Оказалось, что у отца ребенка небольшая гончарная мастерская. Его заработки не всегда хороши и часто семья нуждается в самом необходимом. Очень велики были различные налоги и подати. Поэтому натруженные спины этих добрых и честных людей никогда не разгибались, а с их рук не сходили мозоли. Комната в доме была с земляным полом, промасленная бумага служила вместо окна. Но сад и двор были чистыми и ухоженными. Сад радовал большим количеством фруктовых деревьев.

Здесьняя жизнь была достаточно однообразна, и поэтому я не догадывалась, что вскоре мое спокойствие будет нарушено. В конце октября 1917 года до Туркестана дошел слух о произошедшей в России революции. Сердце мое сжалось от страха. Все вокруг говорили о неизбежности гражданской войны, а также о возможности нападения на Россию других стран. У меня в Петербурге оставались родственники, и я

была уверена, что волна революционных настроений дока-
тится не только до города на Неве, но и до Туркестана. Нам
оставалось лишь молить Бога и ждать распоряжений высше-
го командования. Тем не менее, жизнь шла своим чередом,
и в июле 1918 года у нас родился сын Коленька. В начале
1920 года Советская власть уже всю хозяйничала в крае.
Создавались Кошчи – советы народных депутатов Туркеста-
на. Но, по моему мнению, до 1920 года они слабо влияли на
общественную жизнь. Как и раньше, всем заправляли баи и
богачи. Но в начале двадцатого года все изменилось. Пе-
редовая молодежь Туркестана приняла новую власть, парни
уходили на фронт сражаться с басмачами. Женщины про-
должали ходить в парандже. Мне не нравилось смотреть на
женщин с ног до головы закутанных в темное одеяние с во-
лосяными сетками на лице. Но, здесь ничего не поделаешь,
ведь трудно отказаться от традиций и обычаев предков. Даже
самые отчаянные девушки не решались сбросить паранджу-
за это могли и убить. Однако, новая власть начала создавать
специальные Женские отделы- там женщин обучали многим
полезным вещам: уходу за детьми, личной гигиене и даже
оказывали правовую и медицинскую помощь. Сначала я не
знала как относиться к новой власти. Но замечая, как эти за-
травленные создания начинают улыбаться прониклась к ней
некоторой симпатией. Со временем я поверила, что власть
несет освобождение для нищего и поработанного народа,
хотя и со скрипом и многочисленными людскими потерями.

А на мирном фронте тоже происходили заметные изменения. В 1920 году Туркестанский врач, Моисей Слоним, создал лечебный факультет, Среднеазиатского государственного университета и больницу при нем. Для меня такие прогрессивные изменения были как глоток свежего воздуха.

Петр, не желая ввязываться в братоубийственную гражданскую войну, решил подать в отставку. Я привыкла к Азии и не хотела уезжать. Но мысль о том, что я снова увижу Неву и Исаакиевский собор, приводила меня в трепет. Почти перед самой отставкой, в апреле, Петру дали задание. Прощаясь, он сказал, что будет отсутствовать не более двух-трех дней. Если бы я тогда знала...

Когда прошла неделя, я всерьез забеспокоилась. Вскоре пришла ужасная весть: самолет, на котором летел Петр Александрович, не прибыл к месту назначения. Горя моего не передать словами! И только поддержка друзей, и в первую очередь семьи Симаковых, помогла мне выжить. Остался маленький ребенок, ради которого я должна была жить. Через некоторое время по городу поползли возмутительные слухи: якобы мой Петр исчез вместе с частью золота бухарского эмира Саида Алим – хана. Я, конечно, попыталась укоротить языки тем негодьям, которые разносили эти слухи о моем муже. Я точно знаю, что мой муж, русский офицер и

человек чести и никогда бы не опустился до воровства, тем более не бросил бы нас с Николенькой. Потом пришло донесение, что самолет Петра Александровича был найден в пустыне Кызылкум. Осмотр показал, что биплан был неисправен и совершил вынужденную посадку. Но тело Петеньки не нашли, наверное, он покоится где-нибудь, занесенный песком.

До октября 1920 года я работала санитаркой в больнице вместе с четой Симаковых и растила сына на свое небольшое жалованье.

В октябре 1920 года произошло необычное событие. Однажды вечером в дом пришел какой-то человек. Он был одет в богатый парчовый халат и лицо закрывала густая черная борода. Я вышла спросить, какое у него ко мне дело, но взглянув в его глаза, упала без чувств. Меня можно было понять, потому что я узнала своего пропавшего мужа. В ту же ночь мы с Петей и Николенькой уехали в Петербург. Единственный человек кому я рассказала правду и успела попрощаться, был Анатолий Петрович. Я знала, что могу ему полностью довериться. На жизненном пути иногда встречаются люди, которые гораздо ближе кровных родственников.

Надо сказать, что путешествие представляло собой весьма опасную авантюру. Железная дорога под Оренбургом была в

руках атамана Дутова, а на юге хозяйничали англичане. Но, в конце концов, после долгого пути, живыми и невредимыми, мы оказались в Петербурге. Я чувствовала, что муж чего-то боится, но старалась не беречь раны и не расспрашивать его о катастрофе в пустыне и последующих приключениях. Было видно, что ему очень нелегко даются эти воспоминания. Самое главное, что мы вместе. Между нами всегда были доверительные отношения и я верила, что придет время и он сам мне все расскажет.

Не знаю как, но Петру удалось выправить документы на чужое имя. В Петербурге нам пришлось снова пожениться, так как Петр официально числился погибшим. Преодолевая все трудности военного времени, разруху, голод, а после мирного, но совсем не простого времени, мы в ладу жили с ним до 1941 года, в котором началась Великая Отечественная война. Петр был уже не молод и на фронт его не взяли. Как видного хозяйственника его отправили руководить военным заводом в эвакуации. И где бы вы подумали? В Ташкенте. Я чувствовала, что Петра не слишком радует это назначение, но, он не имел возможности отказаться. Я же была просто счастлива. С замиранием сердца я возвращалась в милую моему сердцу Азию. Но душа была не на месте. Николенька воевал на фронте за нашу Родину. Не буду писать о том, сколько дум было передумано и сколько страхов пережито. Как бы банально это не звучало. Нам с мужем было конечно непросто, но вдвоем намного легче, ведь мы служи-

ли друг другу поддержкой и утешением.

Ташкент сильно изменился, но старый город, как и прежде, состоял из запутанных тупичков и переулков. Много времени я потратила на поиски Симаковых, но, мне удалось узнать только то, что они вернулись в Россию.

В 1943 году хлынули беженцы, которых город принимал в большом количестве. Имея деятельную натуру, мне не хотелось сидеть дома, и я опять устроилась на работу в больницу.

Хотите верьте, хотите нет, но в городе я познакомилась с Фаиной Раневской. Однажды она занозила палец на руке, он распух и воспалился, что говорило о плохом иммунитете. Хотя, какой может быть иммунитет в голодные военные годы. Друзья чуть ли не силой привели ее в больницу. Надо сказать, что местные мальчишки не давали ей прохода. Они бегали за ней и кричали:

– Муля, не нервируй меня.

После оказания первой помощи, я ей сказала:

– Фаина Георгиевна, берегите себя.

-Эх, милочка, Анна Михайловна, – грустно ответила Раневская, – если больной хочет жить, то врачи бессильны.

Почему-то мне хочется верить, что я была первой, кто услышал это популярное впоследствии выражение.

Помню, когда город был уже переполнен, и беженцы сидели на узлах прямо у вокзала, узбеки приходили и брали их на постой. Сами голодные, они отдавали беженцам последний кусок хлеба. Добрый город, добрые люди!

С замиранием сердца мы ждали писем с фронта. К счастью, мой Коленька вернулся домой живой и невредимый, не считая двух ранений. Родина наградила его за воинский труд орденом Отечественной войны 1 степени и медалью За отвагу. Я очень гордилась сыном.

Не могу не упомянуть одно событие, которое произошло в ночь со второго на третье ноября 1946 года. Мы проснулись оттого, что качался дом. Стоял ужасный гул. В панике выбежав во двор, подальше от дома, мы так и стояли на улице до утра. Весь наш дом был в трещинах. Тогда, в Ташкенте, многие дома были повреждены. Жертв не было по моему мнению потому, что дома были одноэтажными, имели земельный участок и люди успели выбежать из дома. Я очень боюсь землетрясений.

Как бы то не было, мы смогли пережить тяжелое время. Все складывалось очень неплохо. После войны, в начале пятидесятых годов, мы, будучи уже в немолодых годах, построили дом «на века». Тогда же наш Коля женился на местной девушке, простой и скромной, по имени Гузаль. А что? Мы были не против этого интернационального брака.

Дорогая моя внучка или правнучка! Мы много бед пережили на своем веку: войны, революцию, голод и великий страх, но никогда не теряли присутствия духа. Мы для вас построили дом, разбили замечательный сад. Самое любимое наше дерево в саду – яблоня, в тени которой мы с дедушкой так любили сидеть на айване. Берегите это дерево, а когда настанут более спокойные времена, выкопайте, и на его месте посадите другое. Будьте счастливы!

О, Азия!

Ташкент, мой лучезарный город! Свечение солнечного дня, тополя, карагачи, чинары. Лазурная синева неба, и черные бархатные ночи с множеством ярких звезд. Как приятно вечером посидеть на скамеечке у оврага и слушать пение сверчков и кваканье лягушек. Таких ночей нет нигде, и нет такого ласкового теплого солнца. Янтарные дыни, сочные аб-

рикосы, запах травы и цветущих деревьев. Но... Как же нас занесло в такую даль?

Мы сюда прибыли в товарном вагоне. Вернее бабушка с тремя детьми, когда эвакуировался военный завод из Запорожья во Фрунзе.

После войны завод перевели в Ташкент. Бабушкина старшая дочь Клара, была уже довольно взрослой и осталась во Фрунзе, а бабушка с маленькой мамой переехала в Ташкент. Она работала на ламповом заводе, в дальнейшем завод Фотон. Жили в доме у пожилых узбеков. По воспоминаниям мамы – это были очень добрые бабушка и дедушка. Они частенько подкармливали постояльцев. Хозяйка приносила то лепешку, то косушку кислого молока, то фруктов с сада. Они проявляли настоящее милосердие по отношению к людям, потерявшим все свое имущество на родине и жившим очень бедно. Это была существенная поддержка. Кроме основной работы на заводе, бабушка продавала на базаре платки. Где-то она покупала старые парашюты, а маму заставляла распаривать их, потом кроила, натягивала их и по шаблону наносила рисунок. Потом, пока сама была на работе, давала маме задание раскрашивать эти платки несмываемой краской. И мама, будучи ребенком, семи-восемью лет делала это. Мой родной дедушка, грузин по национальности погиб во время Великой Отечественной войны.

В 1947 году бабушка познакомилась с дедушкой, который меня вырастил. Дорогой мой, почему я так мало слушала твои рассказы, посмеиваясь над твоим русским языком!?! Как я была глупа и неблагодарна.

Мой дедушка родился в Греции, в селе Пемрадес. Почему-то он не помнил точную дату своего рождения, но помнил, что родился перед Пасхой, поэтому его называли Пасхалисом. По дате Пасхи того года ему «назначили» дату рождения пятого апреля. Я очень мало знаю о его жизни, не знаю, кем были его родители. В молодости он пел в церковном хоре, потом попал к партизанам и участвовал в гражданской войне. До конца жизни он очень смешно говорил по-русски. А когда греков сюда привезли, без документов, и велели написать дату рождения, он, будучи 1910 года, решил «схитрить» и написал себе 1915 год, перепутал, из-за чего и работал пять лишних лет, причем работал тяжело, в горячем цехе, сменно, где-то в районе Ахангарана. Из историй его жизни, мне известен случай: он был партизаном во время Гражданской войны в Греции, и в тот самый момент, когда ему делали операцию острого аппендицита, начались боевые действия и он, зажав живот руками, бежал с операционного стола. Необычайного мужества и жизнелюбия был человек.

Приказом Сталина греков привезли в Ташкент. Все помнят, что в Ташкенте был «греческий городок» В Греции у

него остались сын и дочь, но они отказались общаться с отцом, так как он «переметнулся к коммунистам» Мы стали его настоящей семьей. Когда мама окончила физкультурный техникум, бабушка сказала, чтобы она шла работать, так как семья жила бедно, именно он настоял, чтобы она продолжала обучение в институте.

Дедушка, не родной нам по крови человек, вырастил нас всех. За мной он ходил, охранял, отводил, приводил. Дедушке не нравилось, что я постоянно ходила с разбитыми коленками от постоянной беготни на улице и с мозолями на руках от занятий на спортивных брусьях. Он хотел, чтобы я выросла образованной дамой. Поэтому, когда семья стала жить богаче, настоял, чтобы я училась играть на пианино, для чего и был куплен дорогой инструмент. Правда, в обучении я не проявила особых успехов, мне слишком хватало занятий гимнастикой. Меня он называл Карагезой, и я всегда самонадеянно думала, что это означает красавица или черноглазка и только потом узнала, что это персонаж Кукольного театра. Помню, что он выписывал газету на греческом языке «Неос Дромос»— Новая дорога.

Что касается меня, могу похвастать, что родилась не только в самом центре города, но и на площади Ленина, где раньше стояло розовое здание родильного дома, которое впоследствии снесли. Жили мы в то время в центре, неподалеку от курантов, в так называемом «пьяном дворе». Налеп-

ленные в кучу домишки, в центре которых на улице стояла русская печь. Говорят, женщины, занимали очередь и пекли вкуснейшие булочки, пироги и варили варенье. Там мы снимали сараюшку, где скорпионов было видимо-невидимо. Почему так называлось это место, я не знаю, может быть из-за буйного нрава их обитателей. Напротив, находился парк Горького, куда мы впоследствии часто ходили с родителями. Дорожки из красного песка, духовой оркестр, два летних кинотеатра, мороженое, качели, кулечки сладкого и соленого миндаля. В общем, замечательно. Как больно, что все это снесли и построили гордое, и никому не нужное здание Халк банка, бывший городской Хокимият.

Вскоре, после моего рождения, к пенсии, бабушка получила от завода квартиру на втором квартале Чиланзара. Это место и стало любимым двором моего детства.

Несмотря на то, что я была еще очень маленькой, помню как страшно качались дома. Я и сейчас боюсь землетрясений, очень, потому что не знаешь куда бежать и что делать. Когда двадцать шестого апреля начались первые толчки, папа сначала бегал туда-сюда по квартире, потом схватил меня вниз головой и побежал на улицу, благо жили мы на первом этаже.

У подъезда, через арык была вытоптанная полянка, а рядом, в зарослях вишневых деревьев, мы построили «тере-

мок». Кажется, на низкий крепкий стол положили две двери, на них матрасы, а сверху натянули материал, там мы с бабушкой и спали, рядом на раскладушке, прямо на улице, спала мама. А дедушка с папой храбро ночевали в доме. Рядом с домом был довольно большой овраг, который впоследствии зарыли, а на его месте построили дом. В овраге стояли длинные палатки, в которых жили соседи. Некоторые спали прямо на улице на раскладушках или железных кроватях, хорошо, что было уже тепло. Вечерами всюду пылали костры. Несмотря на страх, который испытывали люди, не было никакой паники. Сейчас я понимаю, как тяжело было взрослым. Это для нас, детворы, была вольница. Круглые сутки мы проводили на улице.

Мальчишки играли в лягу и ашички, мы в классики, прыгалки, а все вместе в казаки-разбойники. Большинство людей готовили еду прямо на улице. Варили вкусную шурпу или плов. Мы, дети, крутились рядом и нас частенько угощали.

Как же эти мысли тревожат мою душу. Я с трудом отвлеклась от личных воспоминаний и воспоминаний моих родственников и снова переключилась на дневник прабабушки нашей Малики. Мне было интересно узнать что же случилось с Петром во время его неудачного полета. В дневнике ничего об этом не было написано, ни малейшего намека. Я взяла дневник и еще раз пересмотрела все страницы, сняла

кожаную обложку и вдруг, оттуда выпал вчетверо сложенный лист бумаги. Вооружившись лупой я в волнении стала читать. Всего один лист бумаги, всего несколько наскоро написанных строчек, но, как много информации они несут. Некоторое время я размышляла. Ночью так хорошо думается, так хорошо мечтается. Перед моим мысленным взором встали красноватой окраски пески и летящий над ней маленький самолет. События тех далеких дней все больше обрастали деталями, становились более четкими и понятными.

Шел апрель 1920 года. Полученное задание показалось Петру совсем не сложным. Пришло распоряжение забрать груз, находящийся в месте, отмеченном на карте, и доставить его в другое место, тоже отмеченное на карте.

Погода была отличная, небо без единого облачка, так что никаких неожиданностей ждать не приходилось. Взяв в указанном на карте месте небольшой груз, состоящий из нескольких сундуков, он полетел в нужную точку. Сначала все шло хорошо – по плану. Петр собирался разворачивать биплан, как вдруг звук мотора изменился – он как будто закашлялся, торопливо сбрасывая обороты, и вскоре заглох. Стало ясно, что катастрофа неминуема.

– Только этого не хватало! – проронил Петр сквозь зубы.

Самолет летел над пустыней, это несколько облегчало задачу при посадке, и Петр применил все свое мастерство, чтобы посадить машину. Ему удалось посадить биплан на пологий склон холма. Самолет уткнулся в землю, потом подпрыгнул и понесся вниз, оставляя за собой глубокие борозды. Но песок, к счастью, быстро остановил движение. Петр спрыгнул с самолета, ноги утонули в красноватом песке, вокруг расстилалась пустыня Кызылкум. Сорвав защитные очки, он стал осматривать самолет – оказалось, что поврежден маслопроводный шланг и все масло вытекло.

« Я не смогу взлететь с песка, даже если оторву лист фанеры с фюзеляжа и приделаю его вместо шасси наподобие лыж. Все равно у меня нет масла. Но что же предпринять? Пожалуй, самым правильным решением будет остаться возле самолета – скоро заметят, что я не прибыл вовремя, и начнутся поиски. Осталась всего одна фляга воды и совсем мало еды, к тому же ночью в пустыне будет холодно, но я выдержу все», – думал Петр.

Но тут он обратил внимание на то, что один сундук вылетел из самолета при аварийной посадке, и его содержимое вывалилось прямо на песок. Петр подошел поближе, и его

взору предстали ярко блестящие на солнце украшения. Это были невероятной, изумительной красоты драгоценности. Вот поистине царская диадема с алмазами и сапфирами. А вот прекрасный браслет с рубинами. А какие чудные изумрудные серьги! Несмотря на отчаянное положение, Петр с трудом оторвал глаза от потрясающей красоты камней. Наверное, они действительно имеют тайную власть над людьми. И вдруг его мозг «взорвался», настолько невероятной была догадка.

«Все знают, что эмир Саид Алим-хан не глупый человек. Он понимал, что Советская Россия не оставит его в покое, несмотря на соблюдаемый им нейтралитет. Эмир заранее готовил пути к бегству и всеми силами пытался вывезти свою казну. Ходили разные слухи, что он свои сокровища вывозит караванными путями на верблюдах. Да, это могло быть правдой. Но ведь длинный караван хорошо виден с воздуха, его легко обнаружить. Может быть, он лучшую часть своих драгоценностей решил отправлять по воздуху небольшими партиями? А может быть, он сговорился с представителем новой власти, и тот помогает ему за баснословное вознаграждение? Или эмира заставили отдать лучшую часть сокровищ, пообещав помощь в вывозе остального? Петр не располагал ответами на эти вопросы. Но он точно знал, что всех, имеющих отношение к сокровищам эмира, убивают. Чтобы не оставалось свидетелей.

«В любом случае мне конец. Нельзя оставаться возле самолета и ждать неминуемой гибели. Меня не должны найти».

И хотя у него было очень мало воды и питья, и эти драгоценности ему были совсем не нужны, Петр все же не удержался – взял, не глядя несколько украшений и положил их в карман своей летной куртки. Потом закрыл сундук и затащил его в самолет.

Сняв с плеча планшет, он вытащил из него подробную карту местности. Согласно карте, в нескольких километрах отсюда должен находиться оазис. К счастью, его самолет потерпел аварию почти на самой окраине пустыни.

Он выберется отсюда, должен выбраться. Через несколько минут был виден лишь силуэт уходящего человека, его заметила лишь юркая ящерка, скользнувшая в мелкую расщелину камня.

Внимательно читая дневники и мемуары своих предков, можно обнаружить, что яблонька, дающая тень в саду хранит важные тайны. Конечно, это не мое дело. Это Малике решать, стоит ли выкапывать яблоню или переложить ответ-

ственное решение на последующие поколения семьи. Бывает, что удивительные вещи случаются не только в кино или книгах, но и с нашими близкими друзьями и соседями. Прошлое иногда приоткрывает завесу над своими тайнами.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.